

**НАСИЛИЕ ТАТАР НАД МИТРОПОЛИТОМ МАКСИМОМ
И РАЗГРАБЛЕНИЕ КИЕВА В 1299 г.: ПРИЧИНЫ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
И ПОСЛЕДСТВИЯ СОБЫТИЙ, КОТОРЫХ «НЕ БЫЛО»**

П.И. Гайденко

*Институт украинской археографии и источниковедения
имени М.С. Грушевского НАН Украины
Киев, Украина
prof.gaydenko@rambler.ru*

Цель исследования: в статье представлены критический анализ и деконструкция историографических представлений о причинах переезда киевского митрополита Максима во Владимир. При этом большое внимание уделяется сопоставлению господствующих в российских исследованиях мнений с данными древнерусских источников и археологии. Рассмотрены наиболее возможные причины и мотивы, побудившие русского первоиерарха сменить место своего пребывания, а также существенно уточнены обстоятельства, сопутствовавшие переезду митрополита.

Материалы исследования: древнерусские источники и российская историография.

Результаты и новизна исследования: присутствующий в российской церковной историографии взгляд на причины и обстоятельства переезда митрополита Максима во Владимир основывается на ошибочном мнении проф. Е.Е. Голубинского. Данные источников и логика событий позволяют заключить, что переезд митрополита был хорошо спланированной акцией, призванной решить множество задач. После смерти Ногая и в условиях роста политических амбиций Галицко-Волынских князей Византия пробовала сблизиться с Сараем. В самом Киеве действительно опасались нападения разрозненных татарских отрядов, но более всего боялись оказаться в эпицентре войны между Ордой, Литвой и Галичем за Киев. Крайне непростыми оставались отношения митрополитов и южнорусского епископата. В описанных условиях переезд митрополита во Владимир видится закономерным и хорошо продуманным шагом.

Ключевые слова: Золотая Орда, Древняя Русь, история русской церкви, киевские митрополиты, митрополит Максим

Для цитирования: Гайденко П.И. Насилие татар над митрополитом Максимом и разграбление Киева в 1299 г.: причины, обстоятельства и последствия событий, которых «не было» // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 76–89. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.76-89

**TATAR VIOLENCE OVER METROPOLITAN MAXIM
AND THE SACK OF KIEV IN 1299: CAUSES, CIRCUMSTANCES,
AND CONSEQUENCES OF EVENTS THAT “DID NOT HAPPEN”**

P.I. Gaydenko

*M.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies
of the National Academy of Sciences of Ukraine*

Kyiv, Ukraine

prof.gaydenko@rambler.ru

Abstract: *Research objectives:* This article presents a critical analysis and deconstruction of historiographical ideas about the reasons for Kiev Metropolitan Maxim’s move to Vladimir. Much attention is paid to comparing the prevailing opinions in Russian scholarship with the data of ancient Russian sources and archaeology. The most plausible reasons and motives that prompted the Russian hierarch to change his place of residence are examined, and the circumstances of the metropolitan’s relocation are substantially clarified.

Research materials: Old Russian sources and Russian historiography.

Results and novelty of the research: The prevailing view for the reasons and circumstances behind the move of Metropolitan Maxim to Vladimir, an even described in Russian church historiography, is based on the erroneous opinion of Prof. E.E. Golubinsky. The source data and the sequence of events allow us to conclude that the metropolitan’s move was a well-planned action designed to solve many problems. Following the death of Nogai, and in the face of the growing political ambitions of the Galicia-Volyn princes, Byzantium tried to draw closer to Sarai. In Kiev, the inhabitants feared the attacks of disparate Tatar detachments, but were most afraid of being at the epicenter of the war between the Horde, Lithuania, and Galich over Kiev. Relations between the metropolitans and the South Russian episcopate remained extremely difficult. Under such conditions, the move of the Metropolitan to Vladimir became a logical and well-thought-out response.

Keywords: Golden Horde, Ancient Russia, history of the Russian church, Kiev metropolitans, Metropolitan Maxim

For citation: Gaydenko P.I. Tatar Violence over Metropolitan Maxim and the Sack of Kiev in 1299: Causes, Circumstances, and Consequences of Events That “Did Not Happen”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 76–89. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.76-89

Одним из важнейших событий в истории русского православия стал переезд в 1300 г. из Киева во Владимир митрополита Максима. По мнению большинства церковных исследователей, произошедшее было вызвано притеснениями, какие испытал от татар в 1299 г. первоиерарх. Основная версия произошедшего была изложена в Лаврентьевской летописи и в дальнейшем лишь повторялась историками, дополняя сообщение этой годовой записи подробностями, эмоциями и идейными прозрениями учёных. Необходимо признать, что краткая, но емкая запись под 1299 г., благодаря своей лаконичности и образности, сама провоцировала исследовательскую интуицию, позволяя историкам и богословам вносить в свои повествования уточнения, очевидность которых, казалось бы, не должна была вызывать возражений: «Того же лет[а] Митрополитъ Максимъ . не терпя татарьског[о] насилья . оставя митрополью и збежа ис Киева . и весь Киевъ розбежался . а митрополитъ иде кл Бреньску . и оттоле иде в Суждальскую землю . и со всемъ

своимъ житьемъ» [22, стб. 485]. В итоге, в российской историографии возобладало мнение, утверждавшее, что причина переезда первосвященника во Владимир извинялась насильями со стороны татар. При том, что древнерусский книжник не пояснил, что это было за «насилие» и каков был его размах, впечатлительный ум читателей тут же усматривал в деталях этого сообщения ясное указание на жестокости, несправедливости и беззакония в отношении русского православного населения со стороны ордынцев.

Одним из первых, кто поддержал летописную версию развития событий, был Н.М. Карамзин, писавший, что митрополит оставил Киев *«чтобы не быть там свидетелем и жертвою несносного тиранства монголов»* [11, с. 166]. Несколько иначе интерпретировал годовую запись С.М. Соловьев, объяснявший отъезд митрополита *«опустошённостью»* Киева, *«где [Максим – П.Г.] не мог найти безопасности»* [31, стб. 917]. Наиболее аккуратным в изложении последовательности событий и оценок оказался В.О. Ключевский, отказавшийся от излишней эмоциональности в своих оценках описываемого и передавший последовательность событий именно так, как они были изложены в летописании [13, с. 26]. Что же касается М.С. Грушевского, то он полагал, что причиной отъезда Максима во Владимир стал учинённый татарами в Киеве некий *«пополох»* [8, с. 269]. Ученую солидарность с гражданскими историками проявили и церковные авторы. Например, митрополит Макарий (Булгаков) хоть и описал события 1299 г. в самом спокойном тоне, однако изложил произошедшее, как следствие не только татарского насилия, но и оставления города людьми: *«Наконец, не вынося более насилия от татар, вследствие которого разбежался весь Киев, митрополит в 1299 г. принужден был совершенно оставить свою митрополию и переселиться в землю Суздальскую со всем своим клиросом»* [14, с. 18–19]. Е.Е. Голубинский пошёл далее и интерпретировал произошедшее, уже как результат разорения Киева татарами: *«В 1299-м Киев подвергся такому разграблению от Татар, что разбежался весь город; вместе с другими принужден был бежать и митрополит, – и он решился бежать навсегда»* [6, с. 6–7]. Вероятно, у него М.С. Грушевский и позаимствовал интерпретацию событий 1299 г. Столь страшное бедствие, по мнению Е.Е. Голубинского, вынудило местных жителей к бегству из города, поставив митрополита перед необходимостью последовать примеру паствы и покинуть опустевшую древнюю столицу Руси, ища спасения на Севере. А.В. Карташев также полагал, что отъезд митрополита объяснялся *«страшным разорением Киева»* татарами [12, с. 296]. Поэтому естественно, что современные церковные историки подобно своим предшественникам не смогли смириться с произошедшим в те годы на Руси. В результате уже в наши дни архим. Макарий (Веретенников), поясняя шаг первосвященника, утверждает, что решение митрополита стало результатом разрушения татарами в 1299 г. Киева: *«Таким образом, в 1299 году Киев был в очередной раз разрушен и все жители его разбежались»* [15, с. 131]. При этом историка не смутило то, что приведённый им в качестве доказательства последний поход ордынцев на Южную Русь отстоял от событий 1299/1300 гг. на 25 лет и не угрожал Киеву, а большинство иных упомянутых им примеров ордынских походов 1278, 1281, 1282, 1285, 1288, 1293, 1294 [16, с. 281–284], якобы суливших бедствия митрополии, проходили в сотнях километров от древней столицы и разворачивались именно в тех землях, в которые и направился

Максим. Ещё далее развилась мысль московского церковного автора В.В. Петрушко. Рассуждая масштабнее, он пояснил решение о переезде Максима не только стремлением первоиерарха спастись от татар из города, который «подвергся новому разорению в ходе войны между ханом Токтой и могущественным ордынским временщиком Ногаем», но и намерением святителя сохранить чистоту православной веры, уклонившись от какого-либо общения с галицкими князьями, искавшими союза с латинской церковью [20, с. 287–288]. При том, что драматизм событий 1299/1300 гг. в трудах историков от века к веку нарастал, пополняясь новыми уточнениями и деталями, предлагавшиеся учёными концепции и оценки в целом хорошо вписывались в контекст событий тех лет. Действительно, отъезд митрополита произошёл в условиях междоусобицы внутри Орды, приведшей к гибели в 1300 г. Ногая, фактического правителя южнорусских земель. Естественно, что решение первоиерарха было как-то связано с этими кровавыми конфликтами и переменой власти в Орде.

Опираясь на известие Лаврентьевской летописи, большинство исследователей, к сожалению, не принимают во внимание иные источники, которые, как, например, Никоновская летопись и «История» В.Н. Татищева хоть и повторяют фабулу Лаврентьевского летописания, однако далеко не во всем согласны с ней. И так, по версии Лаврентьевской летописи, причиной отъезда архипастыря и всего митрополичьего двора из Киева на Северо-восток стали какие-то «насилия» со стороны татар, объектом посягательств которых, вероятно, оказался сам первоиерарх и его люди. Существенно иной тон повествования присутствует в новгородском летописании. В то время, как 3 Новгородская летопись вообще не упомянула о переезде Максима во Владимир, вероятно, не посчитав произошедшее заслуживающим внимания, 4 Новгородская летопись говорит о произошедшем не только спокойно, но и торжественно, без сетований о каких-либо угрозах или притеснениях в адрес митрополита: *«Приеха Максимъ митрополитъ и седе въ Володимере на столе»* [24, с. 67; 25, с. 250]. Несколько иначе извещает о случившемся Никоновская летопись, составитель которой описал произошедшее при опоре на дословно цитируемые им известия Лаврентьевской летописи и, вероятно, на некие иные источники из митрополичьей «канцелярии»: *«Того же лета пресвященный Максимъ, митрополитъ Киевский и всея Руси, не терпя насилия отъ Татаръ въ Киеве, поиде изъ Киева, и весь Киевъ разыдеся, а митрополитъ иде изъ Киева къ Брянску, а отъ Брянска иде въ Суздальскую землю, и тако пришедъ в Крылосомъ и со всемъ житиемъ своимъ и сеяде въ Володимери, и въ Суздале, и въ Новегороде въ Нижнемъ и прочая тамо прилежащая места. А Семиона Володимерьского посла въ Ростовъ, и даде ему Ростовскую епископию»* [26, с. 172]. Практически ту же версию, слово в слово, повторил В.Н. Татищев [32, с. 79]. Таким образом, переезд иерарха во Владимир не виделся книжникам спасительным бегством. Это был важный, обдуманый и серьёзный шаг, сопровождавшийся целым рядом волевых властных решений первосвятителя, преследовавшего вполне прагматические цели и сопровождавшего свои усилия жёсткими административно-каноническими решениями по переподчинению себе различных церковных центров. Последнее, судя по тону летописных сообщений, не встретило возражений ни со стороны местного епископата и духовенства, ни со стороны князей и городов, ни со сторо-

ны монгольской администрации. Достаточно заметить, что в домонгольской Руси подобную самостоятельность и властность со стороны митрополита трудно себе представить. Например, переезд митрополита Константина в Чернигов во время Климентовой смуты не привел к удалению из города местного епископа Антония, который за свою доброту к своему первосвятителю даже был пожалован архиепископским саном [1, с. 229–233]. В результате, в поведении Максима и в его отношениях с духовенством и политическими элитами Руси прослеживаются те тенденции и принципы, которые, как пишет Т.Р. Галимов, были заложены во времена митр. Кирилла II, отражая близость интересов первосвященников и правителей Сарая [5, с. 139–167].

В итоге сообщения источников позволяют усомниться в объяснении и интерпретации церковных событий 1300 года в российской, прежде всего церковной историографии. Для этого имеются определённые основания.

Во-первых, летописные известия об этих годах не фиксируют ни одного татарского похода на Киев или Южную Русь. Конфликты разворачивались внутри самой Орды, что собственно и привело к гибели Ногая [26, с. 169]. Не подтверждается археологически и якобы имевшее место, по мнению Е.Е. Голубинского, разорение и разрушение Киева в 1299/1300 г. Только под 1416 г. летописи фиксируют грабительский и опустошительный поход на древнюю столицу [27, с. 133]. Правда, в этот период Киев уже не являлся частью Орды и пребывал во владениях Великого Княжества Литовского. Даже поражение русских князей в 1321 г., приведшее к вступлению в Киев литовцев, никак не отразилось на состоянии жизни города и не имело радикальных последствий для населения древней столицы. К тому же, как уже упоминалось выше, не совсем понятно о каких именно притеснениях идёт речь, когда летописание сообщает об уходе митрополита из Киева. Годы, предшествовавшие отъезду Максима во Владимир, не отмечены какими-либо угрозами в адрес первосвященника. Напротив, его пребывание на кафедре сопровождалось активной деятельностью, поездкой в Орду, созывом собора и объездами кафедр. В итоге всё перечисленное указывает на обратное: на предоставление русскому первоиерарху ордынцами необходимых прав и свобод.

Во-вторых, крайне примечательны летописные известия об оставлении Киева митрополитом. В данном случае важна очередность описанных в годной записи событий. Как уже было отмечено ранее, большинство исследователей объясняют отъезд архипастыря оставлением Киева горожанами. Однако, согласно летописному повествованию, именно уход Максима, спровоцировал бегство людей, а не наоборот [22, стб. 485]. Едва ли летописец ошибся. Произошедшее, вероятно, объяснялось особенностями правовой культуры монголов. Наличие в городе первосвященнической кафедры, скорее всего, наделяло Киев в глазах ордынцев особым сакральным положением, даруя политическому центру и его жителям статус неприкосновенности. Описанное напоминало ситуацию во внутренней Монголии и в Китае вокруг священных центров буддистов и несториан, находившихся со времён хана Хубилая под защитой империи и пользовавшихся особыми правами и иммунитетами. Поэтому, судя по всему, именно присутствие в городе митрополита предоставляло жителям Киева безопасность и достаток, а не наоборот: богатство горожан гарантировало спокойствие и служение первосвященника. Таким образом, естественно предположить, что Киев рассматривался Ордой в

лице хана и Ногая в качестве священного города, где проживает глава церкви. И пока там находился первоиерарх – жителям гарантировалась безопасность. Однако отъезд Максима, его двора и вывоз святынь, по сути, привели к десакрализации древней столицы, спровоцировав жителей к бегству.

В-третьих, крайне странным видится направление «бегства» митрополита – Владимир, поскольку там не было князя. Владимирский стол и титул являлись лишь почетным приобретением и инсигнией власти для того, кто признавался старейшим князем среди князей Северо-Восточной Руси и получал ярлык. К тому же не владимирские князья в этот период способствовали укреплению власти митрополитов, а авторитет первосвященителей содействовал возвышению Владимирского стола, что выразилось в титулатуре Владимирских князей [7, с. 60–61]. А значит, логично предположить, что митрополит перемещался не столько под защиту князя, сколько ближе к татарской администрации, в город, воспринимавшийся в Сарае в качестве главного на Северо-Востоке Руси. Небезынтересно, что спасаясь от «татарского насилия», Максим направился именно туда, где оно, согласно сообщениям летописных источников, присутствовало более всего. Если в Южной Руси, долгое время находившейся под прямым управлением Ногая, последний поход отмечен только под 1275 годом, то на Северо-Востоке Руси ситуация предстаёт более сложной. Татарские экспедиции здесь чередовались с княжескими усабицами. Поэтому отмеченный в летописании мотив, спасение от татарского насилия, видится неубедительным. Более того, само слово, которое использовал летописец – «бегство», обладает негативным звучанием и даёт понять, что ничего героического в решении митрополита не прослеживается. Действительно, митрополиты и ранее оставляли Киев. Например, в 1158 г., встретив недовольство князя, оставил кафедральный город и переехал в Чернигов митрополит Константин, поразив местных жителей и князя не столько своим переездом, сколько обстоятельствами своих похорон, убедивших наблюдателей этого диковинного зрелища в святости почившего предстоятеля русской церкви [22, стб. 349]. Не раз оставлял Киев Климент Смолятич [23, стб. 383, 476, 503; 2; 33]. В 1145 г. покинул город чем-то разгневанный на князя митрополит Михаил [22, стб. 312; 29, с. 203]. Но ни разу до 1299/1300 гг. летописцы не именовали случившееся оставление первосвященителем кафедры «бегством». Составитель записи хоть и нашел для Максима вполне «достойное» и «убедительное» оправдание, однако невысоко оценивал предпринятый иерархом шаг и двигавшие первосвященителем мотивы, намекая на трусость предстоятеля.

В-четвёртых, отъезд первосвященителя трудно назвать «бегством». Летописец хоть и употребляет этот термин, однако упоминает, что Максим выехал из Киева *«со всею своимъ житьемъ»*. Едва ли в условиях реальной опасности и погони, требовавших быстрого и незаметного броска на удаленные территории, Максим бы озаботился сбором огромного каравана, крайне медленного в своём движении. К тому же подобный вывоз имущества и вывод людей невозможно было скрыть ни от разбойников, ни от стремительных кочевых отрядов татар. Громадный и медленный обоз Максима, скорее всего, нуждался в охране и сопровождении, а значит, на всём протяжении своего пути оставался уязвимым для любых внешних угроз. А это указывает на то, что целью экспедиции было не спасение, хотя нельзя исключать и его, а нечто большее. Никоновская

летопись, рассказывая о прибытии митрополита во Владимир, извещает о множественных назначениях [26, с. 172], которые осуществил Максим на новом месте своего служения. Таким образом, Максим должен был получить гарантии безопасного проезда и явился во Владимир не как смиренный искатель защиты и приюта (например, подобно митр. Константину в Чернигове), а как господин, избравший себе новое место проживания. Но даже если допустить, что митрополит всё же оказался объектом насилия, то возникает оправданный вопрос: как ему удалось покинуть город с огромным обозом, незамеченным для татар? Как могли позволить ему уйти контролировавшие Киев князья, разрешив вывоз из храмов драгоценностей и святынь? Например, в 1228 г. суздальский епископ Кирилл за передачу в созданный им монастырь части епископской казны был обвинён горожанами в присвоении церковного имущества и оказался перед княжеским судом [22, стб. 452; 9, с. 109; 3, с. 21–23]. Почему так спокойно князья Ростова, Твери, Рязани и Москвы позволили митрополиту своевольничать во Владимире? Как уже отмечалось выше, подобные сборы и отъезд требовали большой предварительной подготовки, которую невозможно было скрыть от глаз соглядатаев татар и от ушей различных княжеских слуг. Более того, для осуществления описанной экспедиции необходимо было получить согласие местных князей, татарской администрации, а также гарантии неприкосновенности перевозимого имущества от князей, через чьи земли должен был двигаться первосвященник. Перечисленное означает, что митрополита во Владимире ждали, его путь был безопасным, а совершенное – стало результатом предварительных соглашений и надёжных гарантий со стороны Орды, князей и Византии.

Всё указывает на то, что переезд митрополита Максима был во многом спровоцирован последствиями внутритатарской уособицы и, как предположил И. Скочиляс, «расширением слухов об угрозе татарского погрома Киева» [30, с. 252]. Однако перемещение во Владимир предполагало не дистанцирование первенствующей кафедры от татарских политических центров, а, напротив, дальнейшее сближение с ними, что собственно и привело к перемещению первосвященника на территории, связанные с Сараем и отличавшиеся стабильностью ордынской власти.

Тем не менее мотивы, толкавшие митрополита на переезд, могли учитывать и иные обстоятельства. Судя по всему, и Максим, и его предшественник, Кирилл, чувствовали себя в Киеве неуютно. Это объяснялось отнюдь не последствиями штурма 1240 г., разрушительные результаты которого в историографии существенно преувеличены, а самой внутренней церковной жизнью. Несмотря на своё южнорусское происхождение или, по меньшей мере, воспитание, Кирилл, уже будучи митрополитом, большую часть своего времени провел в поездках по северо-восточной Руси, где его позиции были настолько крепки, что он мог позволить себе, вопреки святоотеческим правилам, без соборного постановления [28, с. 142–143] наказать ростовского епископа [26, с. 157; 17, с. 244–246; 5, с. 148–149, 156–157] и даже организовать суд над новгородским архиереем [18; 21; 4], чего нельзя было сказать о положении Кирилла на Юге. Достаточно заметить, что на созванный митрополитом собор 1273 года не явился ни один южнорусский епископ, а т.н. «парад епископий» середины и второй половины XIII вв. [30, с. 254] наглядно продемонстрировал политическую и каноническую независимость местного епи-

скопата. Всё перечисленное наводит на мысль о бессилии киевских архипастырей в их кафедральном городе на Днепре. Во владениях правителей Галича удавалось сохранять княжеский патронаж и княжеское ктиторовство над храмами, монастырями и кафедрами. Здесь и после монгольского вторжения продолжалось каменное строительство. На Северо-Востоке Руси ктиторовские права местных князей над церковью, напротив, оказались сильно подорванными и ограниченными, однако безраздельно властвовала администрация русского первосвятителя. Не менее интересными видятся и последующие после отъезда митрополита события, позволяющие в значительной мере проследить не только последствия этого перемещения, но и существенно уточнить его причины, а также двигавшие первоиерархом мотивы.

Несомненно, такой переезд требовал согласования данного вопроса в патриархии. Принимая во внимание, что прежде Византия в большей мере поддерживала отношения с Ногаем, а не с Сараем, нельзя исключать того, что инициатором переезда являлся не митрополит Максим, а империя ромеев, желавшая замирииться с Ордой. Однако произошло непредвиденное. Переезд Максима, по верному замечанию свящ. Назара Заторьского, «ускорил процессы децентрализации местной Восточной Церкви славянско-византийского обряда» [10, с. 13]. Более того, в 1303 г. слабая константинопольская кафедра была вынуждена пойти на уступки южнорусским князьям и создать в Галиче новую митрополию. Правда, необходимо принять во внимание, что ранее во Владимире-Волынском некоторое время пребывал митрополит Климент Смолятич, который хоть и не учреждал здесь митрополии, однако фактом своего долгого пребывания в городе мог создать прецедент её временного существования на данных землях.

Стало бы большой ошибкой не учесть и политическую ситуацию в Южной и в Юго-Западной Руси. Дело в том, что переезд митрополита Максима во Владимир предвосхитил целый ряд грандиозных политических перемен в Киеве и Галиче, что нельзя списать на случайное совпадение. В 1301 г. умер Лев Данилович. Его сын и преемник, Юрий Львович существенно переориентировал свою политику как в отношении своих западных соседей, так и в отношении Орды, заявив о своих особых правах на наследие деда. Именно Юрий в 1303 г. добился немислимого: раздела русской митрополии и создание особого диоцеза из Южных и Юго-Западных епископий с приданием этому церковному округу статуса митрополии. Её учреждение, судя по всему, не встретило сопротивления со стороны митр. Максима. Во всяком случае о таких возражениях ничего не известно. Более того, создание в Галиче митрополии декларировало и легитимизировало на церковном уровне политическую независимость и суверенитет Галицкой Руси. С другой стороны, изолировавшись от остальной Руси и заручившись поддержкой со стороны своих соседей на Западе, прежде всего, тевтонцев, галицкий князь, хоть и сохранил свою зависимость от Орды, однако существенно осложнил свои отношения с ханами. Такой сценарий событий, разворачивавшихся в Галиче, не способствовал сохранению единства между русскими князьями и, по мнению В.Т. Пашуты, в дальнейшем не только привел к ослаблению Галицко-Волынского княжества, но и к его разделу [19, с. 299]. Этот кризис отчетливо проявился уже вскоре после смерти самого Юрия в 1308 г. Его потомки, Лев и Андрей Юрьевичи, продолжили политику предыдущих лет, результатом чего стало

дальнейшее ослабление южнорусских и западнорусских князей и поступательное поглощение волыньских земель могущественными соседями. После 1321–1324 гг. Киев оказался сначала под существенным влиянием Литвы, а в последующем и вошёл в её состав. Следовательно, вполне возможно, что одной из причин переезда митрополита во Владимир в 1300 г. могло быть осознание Максимом реальности опасений, которые возникали перед первосвятительской кафедрой Руси и перед патриархией в условиях растущей политической автономии Галицкого княжества, что влекло за собой неминуемое столкновение с Венгрией и Литвой. Киев находился под контролем потомков Даниила Романовича, желавших дальнейшего ослабления влияния Орды над Южной Русью. Такая политика Галича грозила Константинополю дальнейшим осложнением отношений с Ордой. Следовательно, митрополит стремился выйти из крайне опасной ситуации, сулившей разорение не только киевской кафедры и Южно-Русским землям, но и Византии, выразителем чьих интересов Максим являлся. Поэтому необходимо согласиться с мнением И. Скочиляса, высказавшегося за то, что появление митрополии в Галиче стало результатом всех предыдущих десятилетий церковного и политического развития Руси [30, с. 252–254].

Таким образом, можно подвести некоторые итоги. Присутствующее в церковной историографии мнения о том, что отъезд митрополита Максима был вызван тем, что в 1299/1300 г. Киев был разрушен, ошибочно и является результатом не совсем внимательного прочтения источников проф. Е.Е. Голубинским, выводы которого в дальнейшем были приняты без должной критики. Произошедшее, как видится, извиняется двумя обстоятельствами: во-первых, особенностями литературных форм XIX в., позволявших придавать подобным сюжетам особую эмоциональность, что было характерно для жанра «большого исторического нарратива», а, во-вторых, во многом объясняется высоким заслуженным авторитетом выдающегося церковного историка, что, собственно, и привело к досадному преувеличению. Между тем, источники позволяют сделать иные выводы.

Перемещение кафедры и митрополичьего двора во Владимир являлось спланированной и хорошо продуманной экспедицией, ставшей возможной только благодаря согласованию этого шага со множеством сторон, обеспечивших митрополиту Максиму безопасный проезд и свободу действий. Что же касается мотивов и причин, толкавших русского первосвятителя к смене места своего постоянного пребывания, то они видятся сложными и неоднозначными. Несомненно, переезд митрополита отражал интересы Византии, желавшей после смерти Ногай максимального сближения с Сараем ради обеспечения безопасности своих рубежей. Помимо этого к смене кафизмы кафедрального города подталкивала внутренняя политическая и каноническая ситуация на Юге и Юго-Западе Руси. Здесь местный епископат оставался неподконтрольным митрополиту, а политические амбиции потомков Даниила Романовича Галицкого грозили новыми военными столкновениями местных элит и населения с Литвой, Венгрией и Ордой. Нельзя исключить, что митрополит стремился как можно быстрее покинуть беспокойные территории, боясь оказаться в эпицентре новой войны между тремя сторонами: Литвой, Русью и Ордой. Помимо этого в Киеве действительно могли опасаться и даже, вероятно, ожидали набегов со стороны неких «татар» (плохо

контролируемых Ордой кочевых отрядов) в условиях политического кризиса, охватившего улус Ногая после смерти всесильного темника. Именно этот клубок ожиданий и реальных угроз толкал патриархию и киевскую митрополию к шагам, приведшим к переносу центра митрополии (кафизмы) на Северо-Восток Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрощук Ф. Печати черниговского епископа Антония Гречина // *Ruthenica*. Київ, 2011. Т. 10. С. 229–233.
2. Гайденко П.И. Кілька зауважень про митрополичий центр у Володимирі на Волині в період «Климентової смути» (чому Володимир-Волинський не став у другій половині XII ст. митрополією?) // *Православ'я в Україні: Збірник за матеріалами VIII Міжнародної наукової конференції «Українська Церква в історії українського державотворення». До 100-ліття Української революції, державного органу в справах релігій та боротьби за автокефалію / Епіфаній (Думенко), Папакін Г.В., Н.М. Куковальській та ін. (ред.)*. Київ: Київська православна богословська академія, 2018. С. 174–184.
3. Гайденко П.И. Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М.: «Университетская книга», 2014. 212 с.
4. Гайденко П.И. Собор 1273(4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. Санкт-Петербург, 2014. № 4. С. 229–239.
5. Галимов Т.Р. Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.): монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2019. 256 с.
6. Голубинский Е.Е. Митрополит всея России Максим. Сергиев Посад: Типография А.И. Снегиревой, 1894. 10 с.
7. Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб.: Наука, 2016. 182 с.
8. Грушевський М.С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. / Сохань П.С. та ін. (ред.). Київ: «Наукова думка», 1993. Т. 3. 592 с.
9. Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В. Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2012. 412 с.
10. Заторський Н. «Послання Мисаїла до папи сикста IV» 1476 року: реконструкція архетипу. Львів: Український Католицький Університет, 2018. 588 с.
11. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. СПб.: Типография Нью Греча, 1819. Т. 4. 556 с.
12. Карташев А.В. Собрание сочинений: В 2 т., Т. 1: Очерки по истории Русской Церкви. М.: «Терра», 1992. 686 с.
13. Ключевский В.О. Курс русской истории / Сочинения В. Ключевского. 3-е изд. М., 1912. Ч. 2. 4 + 516 + iv с.
14. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви, Кн. 3: История Русской Церкви в период постепенного перехода её к самостоятельности (1240–1589), Отдел первый: Состояние Русской Церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240–1448) / Турилов А.А. (ред.). М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. 704 с.

15. *Макарий (Веретенников), архим.* Деятельность святого митрополита Максима на русской кафедре (с приложением «Поучения» и «Повести о митрополите Максиме») // Богословский вестник. 2015. Т. 16–17. № 1–2. С. 125–154.
16. *Макарий (Веретенников), архим.* Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). М.: Издательство Сретенского монастыря, 2016. 1250 с.
17. *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образовние территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование: Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб.: «Наука», 2006. 412 с.
18. Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // Русская историческая библиотека. Санкт-Петербург, 1880. Т. 6. Ч. 1. С. 83–102.
19. *Пауцто Т.В.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси / Греков Б.Д. (ред.). М.: Издательство АН СССР, 1950. 333 с.
20. *Петрушко В.И.* Очерки по истории русской церкви. С древнейших времен до середины XV в. М.: «Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета», 2019. 512 с.
21. *Печников М.В.* К изучению соборных правил 1273 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 4(38). С. 97–107.
22. Полное собрание русских летописей, Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: «Языки славянской культуры», 2001. 496 с.
23. Полное собрание русских летописей, Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: «Языки славянской культуры», 2001. 648 с.
24. Полное собрание русских летописей, Т. 3: Новгородские летописи. СПб., 1841. 320 с.
25. Полное собрание русских летописей, Т. 4, Ч. 1: Новгородская четвёртая летопись. М.: «Языки славянской культуры», 2000. 728 с.
26. Полное собрание русских летописей, Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: «Языки славянской культуры», 2000. 248 с.
27. Полное собрание русских летописей, Т. 40: Густынская летопись / Кучкин В.А. (ред.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 202 с.
28. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского: В 2 т. СПб., 1912. Т. 1. 641 с.; Т. 2. 639 с.
29. *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: «Наука», 2003. 246 с.
30. *Скочиляс І.* Галицька митрополія XIV – першої половини XV століть: особливості еклезіального, правового та суспільного статусу // Княжа доба: історія і культура. 2011. № 4. С. 246–279.
31. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. Том I–V. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1851–1879. 1726 стб.
32. *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. М.: Императорский Московский Университет, 1784. Кн. 4. 595 с.
33. *Толочко А.П.* Клим Смоленич после низвержения из митрополии // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева / Мусин А.Е. (ред.). Великий Новгород; СПб.; М.: «Леоп Арт», 2009. С. 547–551.

Сведения об авторе: Павел Иванович Гайденко – доктор исторических наук, доцент, сотрудник Института украинской археологии и источниковедения имени М.С. Грушевского НАН Украины (01001, ул. Трехсвятительская, 4, Киев, Украина); ORCID: 0000-0002-2104-362X. E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

Поступила 10.11.2020 Принята к публикации 04.02.2021
Опубликована 29.03.2021

REFERENCES

1. Androshchuk F. Pechati chernigovskogo episkopa Antoniya Grechina [Seals of Chernihiv Bishop Anthony Grechin] *Ruthenica*. Kyiv, 2011, vol. 10, pp. 229–233. (In Ukrainian).
2. Gaidenko P. Kil'ka zauvazhen' pro mitropolichiy tsentr u Volodimiri na Volini v periiod "Klimentovoï smuti" (chomu Volodimir-Volins'kiy ne stav u drugi polovini XII st. mitropolieyu?) [Several remarks on the Metropolitan center in Volodymyr-Volynsky during the period of "Clement's Troubles" (why did Volodymyr-Volynsky not become a Metropolitan in the second half of twelfth century)]. *Pravoslavya v Ukraïni: Zbirnik za materialami VIII Mizhnarodnoï naukovoï konferencii "Ukraïnska Cerkva v istorii ukraïnskogo derzhavotvorennya". Do 100-litty Ukraïnskoï revolyucii, derzhavnogo organu v spravah religij ta borotbi za avtokefaliyu* [Orthodoxy in Ukraine: International Conference "Ukrainian Church in the History of Ukrainian Statemaking". To the Centenary Anniversary of the Ukrainian Revolution, a State Body for Religious Affairs and the Fight for Autocephaly]. Kyiv: Kyiv Orthodox Theological Academy, 2018, pp. 174–184. (In Ukrainian).
3. Gaidenko P.I. *Svyashchennaya ierarkhiya Drevney Rusi: (XI–XIII vv.): Zarisovki vlasti i povsednevnosti* [The Sacred Hierarchy of Ancient Rus' (from the eleventh to thirteenth century): Sketches of Power and Everyday Life]. Moscow: "University book", 2014. 212 p. (In Russian)
4. Gaidenko P.I. Sobor 1273(4) goda v svete cerkovno-politicheskoy situacii na Rusi: neskolko zamechanij o nesostoyavshejsya kanonicheskoy reforme mitropolita Kirilla [The 1273(4) Church Council in the light of the church-political situation in Rus': Several comments on the failed canonical reform of Metropolitan Kirill]. *Vestnik Russkoy hristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. St. Petersburg, 2014, no. 4, pp. 229–239. (In Russian)
5. Galimov T.R. *Kievskie mitropolity mezhdru Rusyu i Ordoy (vtoraya polovina XIII v.)* [Kyiv Metropolitans between Rus' and the Horde (second half of thirteenth century)]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 256 p. (In Russian)
6. Golubinsky E.E. *Mitropolit vseya Rossii Maksim* [Metropolitan of All Rus', Maxim]. Sergiev Posad: Publishing house of A.I. Snegireva, 1894. 10 p. (In Russian)
7. Gorsky A.A. *Russkie zemli v XIII–XIV vekah: puti politicheskogo razvitiya* [Russian Lands in the thirteenth and fourteenth century: The Path of Political Development]. St. Petersburg: "Science", 2016. 182 p. (In Russian)
8. Grushevsky M.S. *Istoriya Ukrayini-Rusi* [History of Ukraine-Rus']. Kyiv: "Scientific thought", 1993, vol. 3. 592 p. (In Ukrainian).
9. Dvornichenko A.Yu., Krivosheev Yu.V., Sokolov R.A., and Shaposhnik V.V. *Russkoe pravoslavie: ot kresheniya do patriarshestva* [Russian Orthodoxy: From Baptism to Patriarchate]. St. Petersburg: Saint Petersburg State University, 2012. 412 p. (In Russian)
10. Zatorsky N. "Poslannya Misayila do papi Sksta IV" 1476 roku: rekonstrukciya arhetipu ["Epistle of Mishael to Pope Sixtus IV" of 1476: Reconstruction of the Archetype]. Lviv: Ukrainian Catholic University, 2018. 588 p. (In Ukrainian).
11. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo v 12 t.* [History of the Russian State in Twelve Volumes]. St. Petersburg: Publishing house of Nyu Grech, 1819, vol. 4. 556 p. (In Russian)

12. Kartashev A.V. *Sobranie sochineniy: V 2 t., T. 1: Ocherki po istorii Russkoy Tserkvi* [Collected Works in Two Volumes, Vol. 1: Essays on the History of Russian Church]. Moscow: "Terra", 1992. 686 p. (In Russian)
13. Klyuchevsky V.O. *Kurs russkoy istorii* [The Course of Russian History]. Moscow, 1912, part 2. 4 + 516 + iv p. (In Russian)
14. Makariy (Bulgakov), mitr. *Istoriya Russkoy Tserkvi, Kn. 3: Istoriya Russkoy Tserkvi v period postepennogo perekhoda ee k samostoyatel'nosti (1240–1589), Otdel pervyy: Sostoyaniye Russkoy Tserkvi ot mitropolita Kirilla II do mitropolita svyato-togo Iony, ili v period mongol'skiy (1240–1448)* [History of the Russian Church, Book 3: History of the Russian Church during the Period of Its Gradual Transition to Independence (1240–1589), Division one: The State of the Russian Church from Metropolitan Cyril II to Metropolitan St. Jonah, or during the Mongol Period (1240–1448)]. Turilov A.A. (ed.). Moscow: Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery Publishing House, 1995. 704 p. (In Russian)
15. Makariy (Veretennikov), archim. *Deyatel'nost svyatogo mitropolita Maksima na russkoy kafedre (s prilozheniem "Poucheniya" i "Povesti o mitropolite Maksime")* [The activities of St. Metropolitan Maxim at the Russian pulpit (with the appendix of the "Teachings" and "Tales of Metropolitan Maxim")]. *Bogoslovskiy vestnik* [Theological Bulletin]. 2015, vol. 16–17, no. 1–2, pp. 125–154. (In Russian)
16. Makariy (Veretennikov), archim. *Mitropolity Drevney Rusi (X–XVI veka)* [Metropolitans of Ancient Rus' (from the tenth to sixteenth century)]. Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2016. 1250 p. (In Russian)
17. Nasonov A.N. *"Russkaya zemlya" i obrazovnie territorii Drevnerusskogo gosudarstva: Istoriko-geograficheskoe issledovanie: Mongoly i Rus. Istoriya tatarskoy politiki na Rusi* ["Russian Land" and Formation of Territories of the Old Russian State: Historical and Geographical Research: The Mongols and Rus'. The History of Tatar Politics in Rus']. St. Petersburg: "Science", 2006. 412 p. (In Russian)
18. *Opredeleniya Vladimirskogo sobora, izlozhennyye v gramote mitropolita Kirilla II* [Definitions of the Vladimir Church Council Set Forth in a Charter by Metropolitan Cyril II]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. St. Petersburg, 1880, vol. 6, part 1, col. 83–102. (In Russian)
19. Pashuto T.V. *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi* [Essays on the History of Halych-Volhynian Rus']. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1950. 333 p. (In Russian)
20. Petrushko V.I. *Ocherki po istorii russkoy tserkvi. S drevneyshikh vremen do serediny XV v.* [Essays on the History of Russian Church. From the Most Ancient Times to the middle of fifteenth century]. Moscow: Publishing house of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities, 2019. 512 p. (In Russian)
21. Pechnikov M.V. *K izucheniyu sobornykh pravil 1273 g.* [To the study of conciliar rules of 1273]. *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki* [Ancient Rus': Questions of Medieval Studies]. 2009, no. 4 (38), pp. 97–107. (In Russian)
22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey, Vol. 1: Lavrent'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 1: Laurentian Chronicle]. Moscow: "Languages of Slavic culture", 2001. 496 p. (In Russian)
23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey, Vol. 2: Ipat'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 2: Hypatian Chronicle]. Moscow: "Languages of Slavic culture", 2001. 648 p. (In Russian)
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey, Vol. 3: Novgorodskie letopisi* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 3: Novgorod Chronicles]. St. Petersburg, 1841. 320 p. (In Russian)
25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey, Vol. 4, Part 1: Novgorodskaya chetyortaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 4, Part 1: Novgorod Fourth Chronicle]. Moscow: "Languages of Slavic culture", 2000. 728 p. (In Russian)
26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey, Vol. 10: Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete Collection of Russian Chronicles,

Vol. 10: Chronicle Collection Called the Patriarchal or Nikonian Chronicle]. Moscow: "Languages of Slavic culture", 2000. 248 p. (In Russian)

27. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, Vol. 40: *Gustynskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 40: Gustyn Chronicle]. St. Petersburg: "Dmitry Bulanin", 2003. 202 p. (In Russian)

28. *Pravila Pravoslavnoy Tserkvi s tolkovaniyami Nikodima, episkopa dalma-tinsko-istriyskogo: V 2 t.* [Rules of the Orthodox Church with the Interpretations of Nicodemus, Bishop of the Dalmatian-Istrian: In Two Volumes]. St. Petersburg, 1912. Vol. 1. 641 p.; Vol. 2. 639 p. (In Russian)

29. Priselkov M.D. *Ocherki po tserkovno-politicheskoy istorii Kievskoy Rusi X–XII vv.* [Essays on the Church and Political History of Kyivan Rus' from the tenth to twelfth century]. St. Petersburg: "Science", 2003. 246 p. (In Russian)

30. Skochilas I. Galic'ka mitropoliya XIV – pershoi polovini XV stolit': osoblivosti eklezial'nogo, pravovogo ta suspil'nogo statusu [The Metropolitan of Halych in the fourteenth and first half of fifteenth century: Particularities of canonical, legal, and social status]. *Knyazha doba: istoriya i kul'tura* [Princely Time: History and Culture]. 2011, no. 4, pp. 246–279. (In Ukrainian).

31. Soloviev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshih vremen* [History of Russia since the Most Ancient Times]. St. Petersburg: "Public Benefit" Partnership, 1851–1879, book 1, vol. I–V. 1726 col. (In Russian)

32. Tatischev V.N. *Istoriya Rossiyskaya s samykh drevneyshikh vremen neusyynymi trudami cherez tridtsat' let sobrannaya i opisannaya pokoynym taynym sovetnikom i astrakhanskim gubernatorom, Vasiliem Nikitichem Tatishchevym* [Russian History from the Most Ancient Times Collected and Described by the Late Privy Counselor and Astrakhan Governor, Vasily Nikitich Tatishchev, in Vigilant Labor for thirty years]. Moscow: Imperial Moscow University, 1784, book 4. 595 p. (In Russian)

33. Tolochko A.P. Klim Smolyatich posle nizverzheniya iz mitropolii [Klim Smolyatich after the overthrow from the metropolis]. *Horoshie dni. Pamyati Aleksandra Stepanovicha Horosheva* [Good Days. In Memory of Alexander Stepanovich Khoroshev]. Velikiy Novgorod; St. Petersburg; Moscow: "Leop Art", 2009, pp. 547–551. (In Russian)

About the author: Pavel I. Gaydenko – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Research Fellow of the M.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine (4, Trekhsvyatitskaya Str., Kyiv 01001, Ukraine); ORCID: 0000-0002-2104-362X. E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

Received November 10, 2020 Accepted for publication February 4, 2021

Published March 29, 2021